

Глава 28

В это мгновение даже Но-Но, резвившийся в саду, казалось, почувал ту мимолетную тень разочарования, что промелькнула на лице Мин Яо.

Президент тут же взял себя в руки. Глядя Лин Чжи прямо в глаза, он произнес с глубокой, почти клятвенной серьезностью:

— Я приложу все силы, чтобы услышать твое «да».

Если бы он позволил себе быть более откровенным и властным, то непременно добавил бы: «Я сделаю всё, чтобы ты стал моим навеки».

Лин Чжи лишь загадочно улыбнулся, не давая прямого ответа, и положил футляр перед Мин Яо.

— Это принадлежит тебе.

На этот раз мужчина не стал прибегать к мягким уговорам. Он проявил неожиданную твердость: накрыл ладонь Лин Чжи своей, заставляя того крепче сжать коробочку с драгоценным ожерельем.

Чтобы избежать дальнейших возражений со стороны юноши, Мин Яо поспешно перевел тему:

— Пора ужинать.

В глазах Лин Чжи промелькнула едва заметная насмешливая искорка, но он не стал спорить и убрал футляр в карман.

Отец Мин Яо больше не объявлялся — казалось, он приехал лишь для того, чтобы передать подарок. Однако его визит стал для Лин Чжи важным сигналом: он отчетливо почувствовал, что последние невидимые преграды, мешавшие ему заглянуть в самую глубину души президента, окончательно рухнули.

Теперь тот мог свободно говорить о своем прошлом, о родителях и о том, что когда-то причиняло ему невыносимую боль.

— Раньше я видел, как сильно они любили друг друга, — негромко рассказывал он за ужином.

— Иногда они даже отсылали меня, чтобы провести время вдвоем, отпраздновать годовщину

свадьбы... Инициатором всего этого всегда был отец. До аварии он был замечательным, по-настоящему любящим родителем.

Мужчина задумчиво вертел в руках бокал.

— Он помнил всё, что я люблю и чего не выношу. Всегда готовил для меня особенные подарки, отвечал на любые вопросы и учил меня быть скромным, уважать окружающих. Он был человеком безупречного воспитания. Даже в моменты своего самого глубокого отчаяния и безумия он никогда не опускался до криков или ругани — он просто судил меня своим холодом и острыми, как бритва, словами.

Он горько усмехнулся.

— Я не держу на него зла. Кроме чувства вины, я ощущаю лишь жалость. Он бесконечно несчастен. Та катастрофа произошла в проливной дождь, когда из-за плохой видимости столкнулись две машины. Водитель другого автомобиля погиб на месте, и отцу просто некому было адресовать свой гнев, кроме меня. И пусть я понимал, что это несправедливо, я не мог его винить.

Президент замолчал, погружаясь в воспоминания.

— Накануне своего первого исчезновения он впервые за долгое время сам приготовил мне ужин. Сказал, что уезжает далеко. Позже я узнал, что он отправился в Тибет, к священным горам, совершал паломничество, а потом искал за границей какие-то мистические ритуалы воскрешения. Дедушка считал, что он повредился рассудком, и пытался положить его в клинику, но это не помогло. Он ушел из больницы и снова пропал на долгие годы.

Несмотря на то что с тех пор прошло десять лет, Мин Яо отчетливо помнил тот последний ужин: на столе стояли только те блюда, которые он ненавидел. Отец по-прежнему помнил все его вкусы, но в тот вечер решил причинить ему боль даже в малом.

Лин Чжи не прерывал его, оставаясь внимательным и молчаливым слушателем. В этом рассказе он уловил нечто пугающее, чего, возможно, не осознавал сам Мин Яо.

В его словах не было ненависти, только сострадание и жалость — опасный признак глубокой эмпатии. В своей основе они могли оказаться совершенно одинаковыми людьми: оба склонны к фанатичной преданности, оба теряют рассудок от невыносимой боли, не в силах сохранять хладнокровие.

Система 01 когда-то предупреждала, что все цели заданий «больны» — эта внутренняя тьма подталкивает их к мизантропии и саморазрушению. Лин Чжи не знал, сколько времени ему суждено пробыть здесь после завершения миссии. Ему не хотелось думать о том, как воспитывать детей или как учить Мин Яо быть «нормальным»...

«Впрочем, это уже лишнее, — решил он. — Я не умру внезапно. Нужно просто подождать еще немного, и тогда станет ясно, что произойдет после финала».

Он опустил глаза, задумчиво глядя на профиль Мин Яо.

В середине ноября ударили настоящие холода.

От этого человека Лин Чжи узнал, что все проблемы с делом о химикатах улажены, а реабилитация дает удивительные результаты. Была надежда, что к Новому году глава компании снова сможет ходить.

Лин Чжи искренне радовался за него, хотя в глубине души уже начинала зарождаться легкая, едва уловимая печаль. Мин Яо был первым человеком в этом мире, к кому он начал испытывать некое подобие чувств, и это было... досадно.

Пытаясь добиться расположения своего «супруга», Мин Яо в последнее время превзошел сам себя. Дорогие подарки и совместные походы на выставки стали обычным делом. Кто бы мог подумать, что гордый глава компании будет собственноручно делать Лин Чжи массаж, чтобы помочь тому расслабиться после работы? Причем это был самый настоящий, лечебный массаж, без всякого двусмысленного подтекста.

Правда, чем больше мужчина старался быть «правильным», тем больше это раздражало Лин Чжи. В итоге такие сеансы неизменно превращались в нечто далекое от классической медицины.

Мин Яо больше не переводил ему деньги — теперь он просто отдал супругу все свои карты. Более того, он приобрел для Лин Чжи небольшой курортный остров, чтобы тот мог отдыхать там с друзьями, когда захочет.

Семнадцатого ноября утром Лин Чжи позвонил Старейшина Мин. Старик задумал присмотреть себе парочку антикварных вещиц и попросил юношу составить ему компанию.

Проект, которым занимался Лин Чжи, давно завершился. Мин Яо не стал навязывать ему новую должность, предоставив право самому выбирать отдел для развития. Однако Лин Чжи, предчувствуя скорый уход, решил не обременять себя обязательствами и перешел в режим «свободного плавания». Он числился в секретариате лишь номинально, получая жалованье, и Мин Яо охотно потакал этой прихоти: теперь юноше не нужно было отпрашиваться, если он хотел подольше поспать или уйти по делам.

Среди сотрудников никто не возмущался. После того как они однажды застучали босса целующим своего «секретаря» в кабинете (причем Старший помощник Гао тогда молча и

очень вовремя закрыл дверь), все вопросы отпали. Ради репутации господина Лина помощник Гао официально объявил о браке Мин Яо, попросив коллег не распространяться об этом.

Слухи о тайном романе мигом превратились в обсуждение супружеской идиллии. Опытные работники лишь понимающе улыбались, видя супруга босса. Лин Чжи отвечал им взаимностью и продолжал наслаждаться досугом. Перед уходом он хотел научиться как можно большему, не растрачивая силы на рутинную бумажную волокиту.

Хотя Система 01 еще не подтвердила неизбежность расставания, Лин Чжи интуитивно чувствовал — финал близок. Он привык планировать всё наперед; если бы не эта привычка, он никогда не смог бы заставить тех, кто погубил его в прошлом мире, заплатить по счетам.

На встречу со Старейшиной юноша надел элегантное пальто песочного цвета.

Они бродили по антикварным лавкам. Глаз у старика был наметан куда лучше, чем у его спутника, поэтому Лин Чжи в основном молчал, лишь изредка подавая советы. Они приехали не на обычную торговую улицу, а в место для истинных ценителей, где цены были на порядок выше, а риск наткнуться на подделку — минимальным. Старейшина приобрел изящную табакерку из нефрита, а затем заметил отдел с необработанными камнями.

Старик азартно потер руки и посмотрел на юношу:

— Чжи-Чжи, выбери-ка для меня один.

Хост окинул взглядом разложенные на прилавке камни и, улыбнувшись, указал на первый попавшийся, который показался ему симпатичным.

— Дедушка, я ведь совсем не смыслю в камнях. Если внутри окажется пусто — не вините меня в невезении.

В антиквариате и нефритах он разобрался неплохо, но в «диких» камнях был полным профаном.

Владелец лавки тут же принялся вскрывать породу. Как только лезвие погрузилось внутрь, присутствующие ахнули: в камне обнаружился нефрит превосходного качества с чистым изумрудным отливом.

— Какая удивительная удача! — искренне восхитился дедушка.

Лин Чжи и сам был поражен. Под градом похвал от старика и комплиментов от хозяина лавки его губ коснулась легкая улыбка.

Обсудив детали обработки камня, Лин Чжи пригласил дедушку в ресторан на обед. За соседним столиком посетители бурно обсуждали, что сегодня вечером на сцену после долгого перерыва возвращается знаменитая актриса, исполняющая роли «хуадань».

— Дедушка, вы ведь так хотели её послушать! Какое совпадение. Я сейчас же закажу билеты.

Юноша быстро открыл приложение на телефоне. Он давно изучил вкусы Старейшины и знал, что тот обожает оперу, а эта прима не выступала уже несколько лет.

— Надо же, как повезло! — просиял старик. — Чжи-Чжи, ты настоящий талисман удачи.

Лин Чжи видел, как дед тронут его вниманием, и лишь скромно заметил:

— Просто случайность.

— Ну уж нет! Нашему Чжи-Чжи благоволит сама судьба. Если бы ты не выбрал именно этот ресторан, мы бы и не узнали ничего, — смеялся старик.

В последнее время он стал смеяться гораздо чаще. Лин Чжи понимал: травма Мин Яо была тяжелым бременем не только для самого президента, но и для его деда.

Слова старика заставили Лин Чжи задуматься. Ресторан он выбрал совершенно случайно, и такое везение действительно казалось невероятным.

Весь вечер прошел за чаем и прослушиванием оперы.

Когда они вышли из театра, Старейшина объявил, что раз за обед платил Лин Чжи, то ужин за ним. Юноша не стал возражать.

Однако, сев в машину, Лин Чжи с удивлением заметил, что пейзаж за окном становится всё более знакомым. Это был не путь к дому старика, а дорога к их с Мин Яо вилле.

— Я пригласил личного повара, — невозмутимо пояснил он. — Заодно пусть и Мин Яо попробует его стряпню. А то вечно вы, молодежь, мотаетесь туда-сюда... На этот раз я сам к вам приеду.

Когда они вошли в дом, слуги уже начали накрывать на стол. Дверь в кухню была приоткрыта, но повара видно не было.

Блюда на столе представляли собой изысканное сочетание китайской и западной кухни. Каждая тарелка была оформлена с безупречным вкусом, выдававшим мастерство и старание того, кто готовил.

Лин Чжи почувствовал неладное. Он бросил взгляд на кухню, затем на Старейшину и принялся пробовать блюда одно за другим.

— Ну как? — с любопытством спросил старик.

— Вкусно, — ответил Лин Чжи.

— Ты просто вежлив. Какое там вкусно — обычная еда, — дедушка хитро прищурился. — Впрочем, повар мой не слишком опытен, но он очень старался.

Старик крикнул в сторону кухни:

— Выходи уже, тебя похвалили!

Зимние сумерки сгущаются быстро. В столовой внезапно погас основной свет, и слуги с улыбками покинули комнату.

Из кухни вышел человек, неся торт. Огоньки свечей мягко озаряли его лицо.

Привычно холодные и жесткие черты Мин Яо в этом теплом мерцании казались удивительно мягкими. Он смотрел на юношу с нежностью и улыбкой.

— С днем рождения. Поздравляю — ты стал еще на год старше.

Он поставил угощение на стол, и они вместе со Старейшиной запели поздравительную песню. Оба они явно не имели опыта в таких делах: дед и внук старательно отбивали такт, смешивая слова на китайском и английском.

Юноша замер перед столом, не в силах отвести взгляда от торта. Прошло несколько мгновений, прежде чем он пришел в себя.

На самом деле сегодня был день рождения не его самого, а первоначального владельца этого тела. Из-за того, что миссия подходила к концу, он совсем не придавал этой дате значения и даже не вспомнил о ней.

Но было очевидно, что они готовили этот сюрприз долго и тщательно. Глядя на эти блюда, тот мог представить, сколько времени Мин Яо провел на кухне, тренируясь. А Старейшина

сегодня, скорее всего, специально увел его из дома, чтобы дать внуку возможность всё подготовить.

Это был первый в его жизни день рождения, не обремененный никаким скрытым смыслом. В прежнем мире каждый такой день сопровождался напоминаниями об ожиданиях семьи, о долге и ответственности. Взросление там означало лишь новые тяготы.

А здесь... здесь был просто сюрприз. Не самый роскошный, но бесконечно искренний.

— Задувай свечи и загадывай желание! — весело поторопил дедушка. — Ты что, в самом деле забыл про собственный праздник?

Он задул свечи. На мгновение он закрыл глаза. У него не было желаний, и он ничего не просил у судьбы. Он просто наслаждался этим моментом. Когда свет снова включили, Лин Чжи негромко поблагодарил их обоих.

— За что благодарить? Мы же не чужие люди, — проворчал старик. — Давайте скорее есть, а потом торт. Я сразу после этого уеду, не хочу мешать вам, молодым. А подарок я уже приготовил.

Говоря это, он выразительно посмотрел на внука, который лишь сидел и счастливо улыбался. «Настоящий чурбан, — подумал старик, — даже красивого слова сказать не может».

Он посмотрел на Мин Яо и не удержался от вопроса:

— Ты ведь говорил, что сможешь свободно ходить только к Новому году?

Взгляд Мин Яо стал необычайно мягким.

— Всё идет гораздо быстрее, чем планировалось.

«Потому что в моей жизни появился ты», — добавил он про себя, не решаясь произнести это при дедушке.

— Это был его большой секрет, — вставил Старейшина. — Он даже свалил часть дел на меня, старика-пенсионера, лишь бы освободить время для тренировок. Всё ради того, чтобы сегодня самому приготовить ужин и вынести тебе лакомство.

Мужчина явно смутился, но старался сохранять невозмутимый вид.

— Это действительно потрясающий сюрприз, — Лин Чжи прищурился. — А моя сегодняшняя

«удача»... Это ведь тоже твоих рук дело?

Он скромно кивнул и под выжидающим взглядом юноши признался во всем.

Те необработанные камни в лавке заранее отобрали эксперты — какой бы из них ни выбрал Лин Чжи, внутри обязательно оказался бы нефрит. А тот «случайный» посетитель в ресторане следовал за ними по пятам, дожидаясь момента, чтобы сообщить «радостную новость» об опере, в каком бы заведении они ни присели.

Юноша рассмеялся и принялся за ужин.

Как и обещал, Старейшина уехал сразу после десерта.

— У меня есть для тебя еще кое-что, — Мин Яо протянул руку. — В моей комнате.

Лин Чжи вложил свои пальцы в его ладонь, и супруг тут же крепко сжал их.

<http://bllate.org/book/15821/1433145>